

ДМИТРИЙ КАНТЕМИР — ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ, ПАТРИОТ

П. К. Лучинский

В летописи многовековой дружбы русского и молдавского народов особое место принадлежит Дмитрию Кантемиру — ученому-энциклопедисту, общественно-политическому деятелю Молдавского княжества и Российской империи, 300 лет со дня рождения которого исполняется в этом году. Велика роль Д. Кантемира в развитии молдавской культуры конца XVII — начала XVIII в., в укреплении братских русско-молдавских отношений. Изучение его богатого наследия представляет большой интерес для правильного понимания хода развития философской, общественно-политической и научной мысли Молдавии того времени. Внимание, которое Д. Кантемир уделял вопросам истории России, а также его государственная деятельность как союзника и соратника Петра I раскрывают истинный характер русско-молдавских отношений конца XVII — начала XVIII в., которые неоднократно подвергались фальсификации в буржуазной историографии.

Дмитрий Кантемир родился 26 октября 1673 г. в селе Силиште, Фэлчиуского уезда, в семье будущего господаря Молдавии Константина Кантемира. В одном из своих ранних произведений он писал, что отец его происходил из людей «простых, низкого ранга»¹. Мать Д. Кантемира — Анна Бантыш принадлежала к старинному роду мелких бояр².

Д. Кантемир получил прекрасное для своего времени образование. Его отец, господарь Молдавии (1685—1693 гг.), которому, по всей вероятности, не единожды приходилось слышать укоры крупного боярства из-за того, что «не знал он грамоты и научился лишь расписываться»³, проявил большую заботу об образовании детей. В качестве домашнего учителя своих сыновей он пригласил грека Иеремию Какавелу, под наблюдением которого Дмитрий изучал историю, теологию, классические, а также славянский и молдавский языки. Развитию способностей, а также стремлению к знаниям юного Кантемира способствовала и обстановка, которая царила в господарском дворце. Многие ближние бояре (например, братья Мирон и Величко Костины, Й. Русет, К. Гаврилицэ, Хурмузаки и др.) были образованными людьми и ратовали за просвещение страны.

С 1688 г. начинается период длительного пребывания Д. Кантемира в Константинополе, где он с перерывами находился 22 года — вначале в качестве заложника отца (Молдавия находилась в вассальной зависимости от Османской империи), затем — представителя старшего брата Антиоха во время его первого княжения в Молдавии (1695—1700 гг.).

¹ Д. Кантемир. История иероглификэ. Кишинэу. 1957, стр. 400.

² Родичи Анны Бантыш перешли в Россию вместе с Д. Кантемиром в 1711 г. и положили начало роду Бантыш-Каменских, представители которого стали видными учеными и государственными деятелями России (см. А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга. Т. I. СПб. 1895, стр. 31—34).

³ И. Некулче. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу. 1969, стр. 136.

Будучи в Константинополе, Д. Кантемир вначале всецело посвящает себя учению. Он посещает Патриаршую школу — единственное высшее учебное заведение для православных в турецкой столице. Впоследствии Д. Кантемир в своей «Истории роста и упадка Османской империи» весьма лестно отзывался о преподавателях Патриаршей школы. Здесь он приобщился к античной культуре (истории, философии, литературе, древним языкам), приобрел знания в области естествознания и искусства, изучил теологию.

Несмотря на то, что в Патриаршей школе среди преподавателей было немало выпускников итальянских университетов, она все же осталась замкнутым религиозным учебным заведением. Многие ее преподаватели и выпускники являлись богословами. Все это, конечно, не могло не сказаться на мировоззрении юного Кантемира. Среди учителей и воспитанников школы (выходцев из порабощенных Османской империей стран) царили антитурецкие настроения, что также оказало большое влияние на формирование политических взглядов Кантемира.

Во время пребывания в Константинополе пылкий княжич весьма усердно изучал культуру восточных народов. Он овладел турецким, арабским и персидским языками, что помогло ему стать одним из известных востоковедов своего времени. Кантемир поддерживал знакомство с турецкими учеными и государственными деятелями. Ему также были открыты двери иностранных посольств, благодаря чему он смог приобщиться к западноевропейской культуре. Контакты с образованными людьми и политическими деятелями Стамбула давали Д. Кантемиру возможность разбираться в политической жизни, приобретать опыт, ориентироваться в международной политике того времени. Особенный интерес он проявил к истории. Находясь в Константинополе, молодой ученый коллекционировал эпиграфические источники, редкие книги, рукописи, изучал византийские, арабские и турецкие хроники, исследовал развалины старых дворцов, собирал материалы по истории Османской империи.

После смерти отца (1693 г.) Д. Кантемир вовлекается в политическую борьбу, развернувшуюся в Молдавии. Он пристально следил за внутренней ее жизнью, поддерживая постоянные контакты с множеством лиц из Молдавии; был хорошо осведомлен о происходящих там событиях. В политической борьбе с крупным боярством и сторонниками валашского господаря К. Бранковану Д. Кантемир дважды добивался престола для своего старшего брата Антиоха (1695—1700 и 1705—1707 гг.). Изучая по летописям Г. Уреке и М. Костина прошлое своей родины, он все более проникался идеей ее освобождения. Увидев, насколько низко пали моральный дух и боеспособность турецкой армии, наблюдая поражения, которые она терпела в последней четверти XVII в., коррупцию государственного аппарата, Кантемир пришел к мысли, что Османская империя вступила в период неуклонного упадка.

Одновременно он констатировал рост экономического и военно-политического могущества России и пришел к убеждению, что родина его, как и другие балканские страны, порабощенные Турцией, сможет обрести национальную независимость только с помощью русских. Он всецело разделял стремления балканских народов, тяготевших к России. «Тогда все христиане с надеждой и радостью уповали на москалей» (то есть на русских. — П. Л.), — отмечал современник и соратник Кантемира, гетман молдавских войск летописец И. Некулче. Тяготение молдаван к России был вынужден признать и Николай Мавровкордат, соперник Кантемира в борьбе за молдавский престол, заявивший великому визирю, что по прибытии в Молдавию он «нашел более половины бояр предавшимися москалям и заключил их»⁴. Последующие события свидетельствуют о том, что Кантемир стал убежденным борцом за сближение Молдавии с

⁴ Там же, стр. 235, 237.

Россией. Находясь в турецкой столице, он установил тайные связи с русским послом в Османской империи П. А. Толстым, заложив тем самым основы будущего военно-политического союза с Россией, заключенного после восшествия Д. Кантемира на молдавский престол. Об этом он вспоминал в письме, адресованном Петру I в сентябре 1721 г.: «Будучи в Константинополе, верность, которую обещал превосходительнейшему г. Петру Андреевичу Толстому, не нарушил... А как прибыл в Молдавию, прежде и после пришествия величества вашего в нашу землю, ту же соблюдал верность...»⁵.

В ноябре 1710 г. султан Ахмед III, после объявления войны России, по совету крымского хана, в спешном порядке, без принятых в таких случаях церемоний и денежных взносов, назначил Д. Кантемира господарем Молдавии. Султану казалось, что Кантемир является человеком, способным защитить в Молдавии интересы Османской империи. Став в декабре 1710 г. господарем, Д. Кантемир через своего поверенного в Константинополе «очень изворотливого» грека Яно⁶ помог П. А. Толстому (заключенному в Семибашенный замок) вести тайную переписку с русским правительством. «Такой верностью и службой,— отмечал современник,— завоевал Думитрашко-водэ (Д. Кантемир. — П. Л.) огромную честь и любовь Петра Алексеевича, московского императора, ибо никто иной не осмеливался оказывать таких услуг, так как посол находился под строгой охраной»⁷.

Связав будущее Молдавии с Россией и учитывая ненависть молдавского народа к поработителям и его симпатии к русскому народу, Д. Кантемир после тайных переговоров заключил 13 апреля 1711 г. с Петром I в Луцке военно-политический договор, известный под названием «Диплома в пунктах»⁸. Согласно договору, Молдавия сохраняла государственную самостоятельность под покровительством России, которая обязывалась защищать ее от иноземных нашествий. В свою очередь, Кантемир присягнул на верность Петру I и обязался объединить свои войска с русской армией в совместной борьбе против турецкого султана. Реализация договора могла положить конец разрушительным турецким и татарским набегам на Молдавию. Кроме того, она перестала бы быть ареной опустошительных войн между Османской империей и Польшей. Большое значение имела восьмая статья договора, которая предусматривала, что господарь «во всех доходах княжества сего никакой убавки и ущерба да не имел бы»⁹. Это означало, что Молдавия избавлялась от тяжелой дани, которую она выплачивала Оттоманской Порте.

Содержание договора отвечало интересам широких слоев населения Молдавии¹⁰. Его реализация избавила бы страну на 100 лет раньше, чем это случилось в действительности, от турецкого ига, способствовала бы ее экономическому, общественно-политическому и культурному развитию. Известно, что благосостояние Османской империи основывалось на грабеже подвластных ей народов. Как справедливо отмечали основоположники научного социализма, пребывание турок в Европе представляло серьезное препятствие для развития ресурсов, которыми обладает Балканский полуостров¹¹. Россия, вступившая в начале XVIII в. на путь эконо-

⁵ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб. 1862, стр. 374—375.

⁶ И. Некулче. Указ. соч., стр. 237. После того как в Константинополе стало известно, что Кантемир перешел на сторону России, Яно был арестован и обезглавлен (И. Некулче. Указ. соч., стр. 247, 286).

⁷ Там же, стр. 238.

⁸ «Письма и бумаги императора Петра Великого». Т. XI, вып. I. М. 1962, стр. 173—177 (далее — «Письма и бумаги...»).

⁹ Там же, стр. 175.

¹⁰ Этот тезис убедительно раскрыт в советской историографии. См., например, Н. А. Мохов. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев 1964.

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 9, стр. 6.

номических и политических преобразований, была государством более передовым, нежели отсталая Османская империя. К тому же «русская помощь являлась единственным прибежищем от турецкого гнета»¹². Заклучая договор с Петром I, Кантемир следовал давно сложившейся традиции молдавско-русских союзнических отношений, поборниками которых являлись господаи Стефан III, Петр Рареш, Георгий Стефан и русские государи: великий князь Иван III и цари Иван IV и Алексей Михайлович. Анализ содержания русско-молдавского трактата 1711 г. показывает несостоятельность утверждений националистической буржуазной историографии о том, что, заключая союзнический договор с Россией, Кантемир не посчитался с высшими государственными интересами Молдавии в угоду личной выгоде, что союз его с Петром олицетворяет взаимоотношения властелина с рабом, что царизм тем самым получил возможность вмешиваться во внутренние молдавские дела и что политическая близорукость господаря привела его к клятвенарушению и предательству по отношению к султану.

В июне 1711 г., во исполнение заключенного договора, русская армия впервые вступила на молдавскую землю. Д. Кантемир видел свою мечту почти сбывшейся. Он первый из молдавских господарей поднял знамя борьбы за освобождение родины в союзе с русскими войсками. Когда 1 июня в Яссы прибыл отряд под командованием бригадира Кропотова (в составе отряда находился молдавский волонтерский полк А. Кигеча), Д. Кантемир открыто заявил о своем переходе на сторону России. Он обратился к населению Молдавии с манифестом, в котором, перечислив несчастья и беды, принесенные народу турецкими завоевателями, заявил, что Петр I начал войну, чтобы освободить христианские народы от турецкого рабства, и призывал жителей Молдавии объединиться с русскими и идти к Дунаю, чтобы противостоять туркам. Призыв господаря нашел широкий отклик среди молдавского населения. И. Некулче сообщает, что «начали приходить со всех сторон служилые и записываться в хоругви. И... стали записываться не только служилые, но и сапожники, портные, меховщики, лавочники. Дворовые бояр оставляли своих господ и спешили записываться в хоругви»¹³.

Молдавский народ встречал русскую армию как освободительницу, выражая желание сражаться совместно с русскими войсками против турецких поработителей. В одном донесении офицера русской армии Петру I говорилось: «волохи к нам беспрестанно приходят с великими доброжелательством и желанием и последние мужики служить желают»¹⁴. Когда войска фельдмаршала Б. П. Шереметьева переходили Днестр, местные жители оказывали им разнообразные услуги. «О приходе нашем обрадовались», — писал генерал-майор Вейсбах А. Д. Меньшикову в сентябре 1711 года¹⁵. На пути армии к Яссам «поднялись оргеевцы, сорочане и лапушняне и пошли вместе с ним (Б. П. Шереметьевым. — П. Л.) до перехода реки Прут»¹⁶. Все это свидетельствовало о том, что союз Д. Кантемира с Россией нашел положительный отклик в широких слоях молдавского народа.

Петр I высоко оценил переход Д. Кантемира на его сторону, уведомив об этом государственных деятелей России. Выражая личную признательность за решительный шаг, предпринятый молдавским господарем, Петр I 16 июня 1711 г. писал Д. Кантемиру: «...приятная была нам она ведомость, что любезность ваша... обещание, которое вы по поставленному договору нам учинили, презрядно исполнил: себя, оружие свое и войска к нам присоединил. Мы истинно оное приятным сердцем признаваем,

¹² Там же, стр. 32.

¹³ И. Некулче. Указ. соч., стр. 249.

¹⁴ См. «История Молдавской ССР». Т. I. Кишинев. 1965, стр. 309.

¹⁵ «Собрание военно-исторических материалов». СПб. 1898. Вып. 12, № 52, стр. 277.

¹⁶ И. Некулче. Указ. соч., стр. 247.

и не только оно во всяком случае делом самим признаем, но и в том пребудем, что любезность ваша оныя надежды не лишитесь... но чаемой плод и пользу с потомством своим совершенно получать и иметь со всею землею своею будете»¹⁷. 24 июня Петр I прибыл в Яссы. Присутствовавший на приеме, устроенном Д. Кантемиром в честь Петра I и его приближенных, И. Некулче сообщает, что царь по-отечески обнимал господаря и целовал его «как отец сына своего»¹⁸. 30 июня Петр писал А. Д. Меншикову, что в Яссах «зело возделенного приему нас от господаря волоцкого и прочих сей земли»¹⁹ был устроен. Д. Кантемир произвел на Петра I впечатление способного государственного деятеля. «Оный государь человек зело разумный и в советах способный»,— писал царь в своем журнале²⁰.

В битве при Станилештах Д. Кантемир командовал молдавскими войсками и лично принимал участие в сражении. Участник похода бригадир А. А. Яковлев в своих записках отмечает, что в момент, когда турецкие войска «учинили жесточайший напуск (атаку)» на подразделения генерала Януса, «прислан был к нему на секурс (на помощь) князь Кантемир с молдавцами, помощью которых он (Янус) неприятельскую конницу, состоявшую в 60 тыс. человек, через целых три часа удерживал и, прогнав оную, благополучно прибыл в лагерь при Станилештах»²¹. Во время мирных переговоров между турецким и русским командованием у Станилешт первым условием, которое выдвинул визирь, была выдача султану молдавского господаря. Петр I решительно отверг это домогательство. «Я лучше уступлю туркам все земли до Курска,— говорил он,— ибо остается надежда их отвоевать, нежели выдам князя, пожертвовавшего для меня всем своим достоинством. Потерянное оружием, оружием возвращается, но нарушение данного слова невозвратимо. Отступить от чести то же, что не быть государем»²².

После неудачи Прутского похода Петра I Д. Кантемир в сопровождении более 4 тыс. молдаван²³ отправился в Россию, обретя в ней вторую родину. Буржуазные авторы, как правило, в извращенном виде представляли его положение в России, утверждая, что, подавленный семейными заботами, бывший молдавский господарь вел замкнутый, уединенный образ жизни, был оторван от политической и культурной жизни страны. Большинство националистических буржуазных авторов умалчивали о благотворном влиянии передовой русской культуры на формирование мировоззрения Д. Кантемира, отрицали влияние петровских реформ на его общественно-политические и в значительной мере философские взгляды²⁴. И это говорилось о человеке, который проявлял огромный интерес к России, занимал в ней высокие государственные посты, активно участвуя в ее политической жизни. «Именно условия России величайших преобразований петровской эпохи возымели определяющее воздействие на его творчество, придав ему соответствующую направленность и целеустремленность... Тесное переплетение научных потребностей петровской России, обуревавших Кантемира политических страстей и вынашиваемых им планов будили его мысль, питали творче-

¹⁷ «Письма и бумаги...». Т. XI, вып. I, стр. 292.

¹⁸ И. Некулче. Указ. соч., стр. 253.

¹⁹ «Письма и бумаги...». Т. XI, вып. I, стр. 305.

²⁰ «Походный журнал Петра I, 1711 год». СПб. 1854, стр. 49.

²¹ Выписка из журнала Александра Андреевича Яковлева, находящегося при императоре Петре Великом во время сражения под Прутом в 1711 г. «Отечественные записки», 1824, ч. 19, № 51—53, стр. 18—19.

²² Д. Н. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. III. М. 1836, стр. 38.

²³ Т. З. Беер. История о жизни и делах молдавского господаря Константина Кантемира. М. 1783, стр. 364; П. П. Пекарский. Указ. соч. Т. I, стр. 570—571.

²⁴ См. В. Ермуратский. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев. 1956, стр. 8.

скую деятельность, воодушевляли на создание фундаментальных трудов, не потерявших и по сей день своего научно-познавательного значения»²⁵.

Д. Кантемир владел славянским языком, на котором писались и печатались в то время книги в Молдавии. В своем труде «Жизнь Константина Кантемира» он вспоминает, что в длинные зимние ночи переводил церковные книги со славянского на язык страны престарелому отцу. Знание славянского языка позволило ему впоследствии изучать в оригинале русские летописи, которые он упоминает в своей «Хронике стародавности». Будучи членом Сената и советником Петра I, ежедневно общаясь с русскими культурными и политическими деятелями, Д. Кантемир, несомненно, свободно владел русским языком. В. Г. Белинский писал: «Князь Дмитрий был человек умный... говорил по-турецки, по-молдавски, порядочно знал французский язык и оставил после себя несколько сочинений на латинском, греческом, молдавском и русском языках»²⁶.

Буржуазные националистические историки отрицали также влияние русской культуры на творчество Д. Кантемира, для чего извращали картину российской действительности начала XVIII века. Они, например, считали, что Д. Кантемир, переселившись в Россию, попал в отсталую, малокультурную среду, что Россия времен Петра I находилась на более низком уровне культурного развития, чем Молдавия. По их словам, это была бескрайняя пустыня, где высокообразованному Кантемиру не с кем было обменяться хотя бы одной идеей. Эти историки всячески стремились противопоставить Петра I и Д. Кантемира, грешили они против истины и тогда, когда утверждали, что русская общественность относилась к молдавскому мыслителю враждебно, а его положение в России называли страданием.

В действительности Д. Кантемир и сопровождавшие его молдаване были окружены вниманием и заботой со стороны Петра I и его приближенных. По прибытии в Могилев в начале августа 1711 г. Петр I издал специальный указ, первый пункт которого гласил: «Его царское священное величество изволяет его князя Кантемира, бояр и прочих офицеров и волохов, которые ныне при нем, иметь в милости своей и титул светлейшего князя Российского содержать ему князю Дмитрию и наследникам его». Шесть пунктов указа предусматривали наделение землями и домами прибывших в Россию молдаван в Харьковской губернии²⁷. Канцлер Г. И. Головкин в письме от 5 августа предписывал киевскому губернатору Д. М. Голицыну «принять и поступить с ним (Кантемиром.— П. Л.) любовно»²⁸. В сентябре 1711 г., находясь за границей, царь приказывает Сенату приискать в Москве для Кантемира дом «по его достоинству», так как он «имеет жить своею фамилиею в нашем государстве»²⁹. Кантемир получил имение с 1 000 дворов крепостных крестьян в Орловской губернии, ему была назначена высокая государственная пенсия — 6 тыс. рублей в год³⁰. Д. Кантемир постоянно переписывался с царем и другими государственными деятелями России, неизменно встречая с их стороны понимание и доброжелательность.

В начале XVIII в. в России выдвинулась целая плеяда талантливых, прогрессивных мыслителей, представителей «ученой дружины»: Ф. Прокопович, В. Н. Татищев, А. М. Черкасский, И. Ю. Трубецкой, П. А. Толстой и др. Это были высокообразованные для своего времени люди, владевшие классическими и многими современными иностранными языками,

²⁵ Е. Руссев. Славянский вклад в древнемолдавскую культуру. «Кодры», 1971, № 8, стр. 146.

²⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. VIII. М. 1955, стр. 616.

²⁷ «Полное собрание законов Российской империи». Т. IV. СПб. 1830, стр. 725—726.

²⁸ Т. З. Беер. Указ. соч., стр. 364, прим. «в».

²⁹ «Письма и бумаги...». Т. XI, вып. 2. М. 1964, стр. 154.

³⁰ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого. Т. V. М. 1838, стр. 124, 362.

знакомые с западноевропейской рационалистической философией, с гелиоцентрической теорией Коперника и Галилея, выступавшие против невежества и ратовавшие за более светский характер образования, защищавшие идеи «просвещенного» абсолютизма. В их лице Д. Кантемир обрел друзей и единомышленников. С Ф. Прокоповичем и В. Н. Татищевым он был знаком со времени Прутского похода, в котором они принимали участие. Молдавский ученый знал труды Ф. Прокоповича и полемизировал с ним по вопросам воспитания и религии³¹. Русского дипломата П. А. Толстого Кантемир знал еще со времен его пребывания в Константинополе. Среди образованных людей, близких к Д. Кантемиру, был «один из лучших учеников Славяно-латинской академии» И. Ильинский³², который был приглашен молдавским ученым в качестве наставника его детей по русскому языку. Кроме того, И. Ильинский был личным секретарем Д. Кантемира, он вел дневник, отражающий государственную деятельность и успехи его патрона в России³³. Теплые отношения сложились у Д. Кантемира с кабинет-секретарем Петра I А. В. Макаровым и особенно с канцлером Г. И. Головкиным, с которыми его сближали общие интеллектуальные интересы³⁴.

Общение Д. Кантемира с передовыми мыслителями и политическими деятелями России, обстановка активного хозяйственного строительства и реформ, проводившихся тогда в России, оказали положительное влияние на развитие его научного мировоззрения, его философских и общественно-политических взглядов. В период пребывания в России Д. Кантемир как ученый стал известен в Западной Европе. В Петербурге он установил связь с приглашенными в Россию немецкими учеными, по рекомендации которых 11 июля 1714 г. был избран членом Берлинской Академии наук.

Годы жизни в России для Д. Кантемира были весьма плодотворными. Здесь он написал большинство своих работ, в том числе такие фундаментальные исторические труды, как «История роста и упадка Оттоманской империи», «Историческое и географическое описание Молдавии», а также «Хроника стародавности романо-молдо-влахов». Если в Константинополе Д. Кантемир был увлечен прежде всего философско-религиозной тематикой, то в России он занимался в основном историей. Написанные здесь работы выполнены на более высоком уровне, отличаются своей документированностью и более зрелыми научными концепциями, ярко выраженной политической целеустремленностью. В отличие от работ, написанных в Константинополе и предназначенных для узкого круга близких автору людей, труды, созданные в России, были обращены не только к соотечественникам, но и к образованным людям России и Западной Европы, преследовали далеко идущие политические цели.

Все работы Кантемира, написанные в России, проникнуты вниманием к стране, ставшей для автора второй родиной. В «Описании Молдавии» он прибегает к социально-политическим сравнениям Молдавии и России, в «Истории Оттоманской империи» и «Хронике стародавности» упоминаются победы русского оружия в Северной войне; «Книга систима или состояние мухаммеданския религии» была написана по просьбе Петра I в связи с Персидским походом; в неопубликованной работе «Претемные места в катехизисе» нашли отражение проблемы, возникшие в России в связи с церковной реформой Петра I. Все это свидетельствует о том, что русская действительность первой четверти XVIII в. оказала сильное влияние на формирование Д. Кантемира как ученого.

³¹ И. Извеков. Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича. «Заря», 1870, август, отд. II, стр. 1—35.

³² «История Академии наук СССР». Т. I. М.-Л. 1958, стр. 119.

³³ Д. Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч. Ч. II. М. 1836, стр. 430.

³⁴ См. письмо князя Дмитрия Кантемира к графу Гаврилу Головкину. «Чтение в Императорском обществе истории и древностей российских». Книга третья. М. 1909, стр. 25—27.

Жизнь Д. Кантемира в России была очень многогранной, мало похожей на поведение кабинетного ученого, каким пыталась представить его румынская буржуазная историография. Он много путешествовал по европейской части страны, изучал историю и язык ее народов. Женясь в начале 1720 г. на княжне А. Трубецкой, дочери генерала И. Ю. Трубецкого, Д. Кантемир еще больше сблизился с высшими сферами русского общества³⁵. Его часто навещали Петр I, князь А. Д. Меншиков, канцлер Г. И. Головкин, генерал-прокурор П. И. Ягужинский, адмирал Ф. М. Апраксин, П. А. Толстой, В. Н. Татищев, генерал-майор Ф. Кантакузино и другие государственные деятели, с которыми у него установились дружественные отношения³⁶.

Д. Кантемир сам стал видным государственным деятелем России и принимал активное участие в осуществлении ее внутренней и внешней политики. Указом от 20 февраля 1721 г. он был назначен тайным советником и членом Сената³⁷. Д. Кантемир активно участвовал в работе этого высшего правительственного учреждения; его подписи стоят на многих указах Сената, касающихся важных военных и гражданских дел³⁸. Он вел обширную переписку с различными государственными деятелями³⁹. Во время Персидского похода Д. Кантемир, как знаток восточных языков, не только возглавлял царскую канцелярию, но и принимал участие в работе военного совета, где обсуждались предстоящие военные действия⁴⁰, вел научные наблюдения. Свидетельством того, насколько высоко ценили Д. Кантемира в научных кругах России, является тот факт, что его называли одним из вероятных кандидатов на пост президента будущей Российской Академии наук⁴¹. Приведенные данные красноречиво свидетельствуют о том, что Д. Кантемир органически сжился с Россией, стал ее видным деятелем.

Занимая на своей второй родине весьма высокое положение, Д. Кантемир не забывал, однако, многострадальной Молдавии, поддерживал постоянную связь с ее политическими деятелями, которые обращались при его посредничестве за помощью к России. Он внимательно следил за событиями международной жизни, получал через доверенных ему лиц информацию из Константинополя о положении дел в Турции. Как указывалось выше, будучи в России, Д. Кантемир не прекращал своих научных изысканий. Он пишет «Книга систима или состояние мухамеданския религии», разрабатывает свою «Хронику стародавности» на молдавском языке, собирает материалы для второй ее части. Во время Персидского похода Д. Кантемир изучает природу и образ жизни народов Поволжья⁴². По прибытии на Кавказ он предпринял серию географических, этнографических, исторических и археологических исследований, задумав написать историю Дагестана⁴³.

Таким образом, Д. Кантемир обрел в России благоприятную культурную среду, соответствующую его социально-политическим взглядам, духовным запросам и способствовавшую дальнейшему росту его как ученого, государственного и общественного деятеля. Своей второй родине, которой он служил верой и правдой, Д. Кантемир пророчил ведущее ме-

³⁵ «Сборник императорского русского исторического общества». Т. 40. СПб. 1884, стр. 337—338; т. 41. СПб. 1884, стр. 176.

³⁶ «Журнал Ивана Ильинского». «Сборник отделения русского языка и словесностей императорской Академии наук». Т. 72. СПб. 1903, стр. 296—303.

³⁷ Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I. Т. I. М.-Л. 1945, стр. 239.

³⁸ «Журнал Ивана Ильинского», стр. 296—303; Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 155, 173, 176—177, 240—241, 242.

³⁹ «Журнал Ивана Ильинского», стр. 306—311.

⁴⁰ «Походный журнал Петра I, 1722 г.». СПб. 1913, стр. 52—53, 141, 147—148.

⁴¹ «История Академии наук СССР». Т. I, стр. 36.

⁴² Н. Н. Новиков. Избранные сочинения. М.-Л. 1951, стр. 305.

⁴³ Д. Трунов. Свет из России. Махачкала. 1956, стр. 29—30.

сто в развитии мировой цивилизации. «Приближаются времена...— писал он,— когда мать наук придет (в Россию.— П. Л.) и засияют более великие дела, нежели в трех предшествующих монархиях»⁴⁴.

Д. Кантемир был энциклопедически образованным человеком. Он оставил богатое наследие, отражающее разнообразие его научных интересов. Им были созданы труды по истории, философии, географии, логике, музыке. Свою научную деятельность он начал в Константинополе. Здесь были созданы первые его работы «Диван или спор мудреца с миром или тяжба души с телом» (опубликована в Яссах в 1698 г. на греческом и молдавском языках) и «Неописуемый образ науки» (1700 г., на латинском языке), написанные в духе православного богословия и античной философии, особенно стоической. Вместе с тем в них уже содержатся элементы рационализма и социальной критики. Восприняв библейскую легенду о сотворении мира и строении космоса, в «Неописуемом образе науки» Д. Кантемир делает попытку объяснить некоторые природные явления с позиции естественных наук, высказывая деистические идеи. В 1701 г. им была написана на латинском языке «Всеобщая сокращенная логика», представляющая собой краткий учебник, в котором он в отличие от предшествующих своих работ признает роль разума в процессе познания, подчеркивает значение логики в процессе приобретения знаний. В эти же годы он пишет на турецком языке трактат о турецкой музыке, создает для нее ноты. Следует упомянуть, что он сам был хорошим исполнителем и позднее, будучи в Москве, изобрел музыкальный инструмент⁴⁵.

Из трудов константинопольского периода наибольшее значение имеет «Иероглифическая история», созданная Д. Кантемиром в 1704—1705 гг. на молдавском языке. В ней содержится подробный рассказ о борьбе за власть между боярскими группировками Молдавии и Валахии в 1703—1705 годах. В этой работе раскрывается борьба Кантемиров против мультянского господаря К. Бранковану, который вмешивался в дела Молдавии. Но Кантемир не ограничивается только описанием этой борьбы, «а пытается представить широкую картину политической и социальной жизни Молдавии и Мунтении начала XVIII столетия»⁴⁶. Ценность этого труда состоит также в том, что он отражает эволюцию мировоззрения Д. Кантемира, который высказывал здесь прогрессивные для того времени социально-политические идеи. Большое значение имеет также развитие его философских идей в сторону деизма и рационализма, а также элементов стихийного материализма. Аллегорической «Иероглифической историей» Д. Кантемир заложил основы молдавского романа.

Большинство своих трудов, в том числе фундаментальные исторические труды, Д. Кантемир написал в течение 12-летнего пребывания в России. В 1714 г., посетив по приглашению Петра I Петербург, Кантемир адресовал ему две небольшие работы — «Панегирик» и «Рассуждение о природе монархии», в которых нашла выражение идея освободительной миссии России на Балканах. В 1715—1716 гг. им было создано «Описание Молдавии», снабженное географической картой. В этом труде Д. Кантемир охарактеризовал климатические условия и природные богатства края, его экономическое, социально-политическое, административное и культурное положение на рубеже XVII—XVIII веков. «Описание» проникнуто горячим патриотизмом и ненавистью к турецким поработителям. Оно было переведено на многие европейские языки, в том числе и на русский.

Европейскую известность принес Д. Кантемиру его труд «История роста и упадка Оттоманской империи», написанный в 1714—1716 гг. на

⁴⁴ Д. Кантемир. Монархии физическое рассуждение. Рукопись АН СССР. Ленинград, № 1, 5—28, л. 27.

⁴⁵ Д. Кантемир. Книга система или состояние мухаммеданския религии. СПб. 1722, стр. 354.

⁴⁶ «История литературий молдовенешть». Т. I. Кишинэу. 1958, стр. 91.

латинском и переведенный на многие языки. Монография целое столетие служила основным информационным материалом о Турции. Ею пользовались Вольтер, Байрон, В. Гюго. «История Оттоманской империи» содержит также сведения по политической истории Молдавии, об освободительной войне украинского народа середины XVII в., о русско-турецких отношениях XVII — начала XVIII века. В эти же годы была создана на латинском языке «Жизнь Константина Кантемира», работа, посвященная Д. Кантемиром его отцу. Она содержит множество фактов из семейной жизни этого господаря, в том числе о положении Д. Кантемира в Константинополе.

В 1717 г. Д. Кантемиром была написана на латинском языке «Хроника стародавности романо-молдо-влахов», переведенная затем на молдавский язык со значительными дополнениями. В ней освещается история Дунайских княжеств с древнейших времен до XIII века. Автор пытался выяснить происхождение восточно-романской народности. Задумав рассмотреть историю молдавского народа как часть всемирной истории, он уделяет также внимание соседним странам и народам, в частности древним славянам. Особой честью и обязанностью считал он для себя писать в «Хронике стародавности» и о Древнерусском государстве, которому посвятил отдельную главу. По количеству использованных источников и по их интерпретации этот труд дает наиболее полное представление о Д. Кантемире как историке, о методе его научного исследования.

В работе, созданной в 1720 г., «Претемные места в катехизисе» (на латинском языке) Д. Кантемир полемизировал по некоторым религиозным проблемам, волновавшим Россию в ходе петровских реформ, а также высказал ряд прогрессивных мыслей о воспитании подростков. В декабре 1722 г. была опубликована на русском языке упомянутая обширная работа Д. Кантемира о мусульманском мире, написанная автором на латинском языке («Книга систима или состояние мухаммеданския религии»).

В своих многочисленных трудах Д. Кантемир затрагивал различные философские проблемы. Находясь в целом на идеалистических позициях, он вместе с тем высказал ряд прогрессивных идей, свидетельствовавших о том, что ему были присущи и элементы стихийного материализма. Д. Кантемир признавал объективность мира, ставил вопрос о причинности и закономерности, о движении, об изменениях в природе и обществе, выражал уверенность в силе человеческого разума. В «Диване или споре мудреца с миром» он писал о человеке, что не рабом, а владыкой мира бог его поставил и поэтому он должен властвовать над миром. В области теории познания Д. Кантемир неоднократно подчеркивал роль ощущений и опыта. «Вся наука,— считал он,— из наставлений чувств исходит; все знают, что не слепой, а зрячий судит о цветах и слышащий, а не глухой, внемлет красоте и сладости мелодий»⁴⁷. Придавая значение практике в процессе познания, мыслитель отмечал: «Опыт и испытание предмета достовернее могут быть, нежели все расчеты ума»⁴⁸.

Наиболее передовые для своего времени идеи содержатся в социально-политических взглядах Д. Кантемира. Будучи сторонником укрепления центральной власти, он сурово осуждал крамольное боярство, бичевал моральное разложение представителей олигархии Молдавии и Валахии, их узкие сословные интересы, алчность, коварство, невежество, политическую близорукость, казнокрадство и произвол. Крупные бояре не без умысла изображены им в «Иероглифической истории» в виде хищных зверей и птиц, наносящих «неизлечимые раны» и радующихся «невинному кровопролитию»⁴⁹. Изобличая невежество бояр, домогав-

⁴⁷ Д. Кантемир. История иероглификэ, стр. 38.

⁴⁸ Там же, стр. 52.

⁴⁹ Там же, стр. 30.

шихся высших государственных должностей и использующих в этих целях свою знатность и родственные связи, он писал: «Едва изобразить можно, какие иногда уроды высших чинов достигают». Такие люди «не только в отправлении государственных дел вовсе не сведущи, но и без добронравия и приличного поведения»⁵⁰. Столпы боярской олигархии, по мнению Кантемира, лишены чувства патриотизма. Причину установления турецкого ига в Молдавии он видел во вражде, раздиравшей различные группировки господствующего класса. Он бичевал спесь крупных бояр, считавших, что человеческое достоинство определяется знатным происхождением⁵¹. Отрицательное отношение к крупному боярству было продиктовано тем, что оно было главным препятствием на пути установления абсолютной власти, сторонником которой был Д. Кантемир.

В отличие от многих историков-современников он в своих трудах уделял определенное внимание и народным массам. В лице крестьян он видел прежде всего производителей материальных благ. В «Иероглифической истории» крестьяне аллегорически изображены в облике пчел, трудом которых создается «общее достояние»⁵². Гуманист по образованию и воспитанию, Д. Кантемир сочувственно относился к крестьянам, выступал против их чрезмерной эксплуатации, произвола бояр и государственной власти по отношению к ним. Он считал «несправедливым» закрепощение «свободных крестьян»⁵³, ибо видел в них силу, которая может поддержать его в борьбе как против иноземных поработителей, так отчасти и против боярской олигархии за укрепление центральной власти⁵⁴.

Однако было бы неправильно думать, что, осуждая крупное боярство и сочувствуя крестьянам, Д. Кантемир был противником феодального строя как такового. Разделение людей, с одной стороны, на «государей и сенаторов, сановников и распорядителей», а с другой — на «пахарей и мельников, привратников и ключников»⁵⁵ он считал естественным, разумным и справедливым, то есть оправдывал социальное неравенство со всеми вытекающими из него последствиями. Д. Кантемир не требовал освобождения крепостных крестьян. Более того, он полагал, что народные массы не способны к политической деятельности; привлечение широкого круга людей к управлению государством принесло бы, по его мнению, только ущерб. «В устах многих, — писал он, — мало дельных советов бывает»; волю простого народа он сравнивал с «бегом необученной и разнузданной лошади»⁵⁶. Симпатии Д. Кантемира были на стороне мелких и средних феодалов, в которых видел он главную опору сильной господарской власти.

Д. Кантемир был сторонником абсолютной наследственной монархии, которая в тех исторических условиях являлась «прогрессивным элементом... была представительницей порядка в беспорядке»⁵⁷. Власть монарха, по мнению Д. Кантемира, естественна и необходима. «Подобно тому, как многим конечностям нужна одна голова, — писал он, — так и многим толпам нужен здравый ум»⁵⁸. Судьбы народов и государств Д. Кантемир связывал с моральными качествами возглавлявших их государей. В установлении абсолютной власти просвещенного монарха он видел путь к сохранению независимости и достижению наибольшего

⁵⁰ Д. Кантемир. Историческое и географическое описание Молдавии. М. 1783, стр. 295.

⁵¹ Д. Кантемир. История иероглификэ, стр. 59.

⁵² Там же, стр. 164.

⁵³ Д. Кантемир. Дискриеря Молдовой. Кишинэу. 1957, стр. 170, 162.

⁵⁴ В. Ермуратский. Указ. соч., стр. 66.

⁵⁵ Д. Кантемир. История иероглификэ, стр. 66.

⁵⁶ Там же, стр. 102.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 411.

⁵⁸ Д. Кантемир. История иероглификэ, стр. 158.

могущества страны. Эту мысль он иллюстрировал на примерах из истории Римской и Византийской империй, Молдавии времен княжения Стефана Великого и других стран. Наглядным образцом действенности сильной центральной власти служила ему Россия времен Петра I, в лице которого он видел идеал абсолютного просвещенного монарха⁵⁹. Став господарем Молдавии, Кантемир стремился осуществить свои политические идеи на практике, о чем красноречиво свидетельствует содержание Луцкого договора 1711 года.

Д. Кантемир неустанно боролся мечом и пером за освобождение своей родины, интересы которой ставил превыше всего. Он отмечал в своей «Хронике стародавности», что «для защиты отечества не меньше надлежит трудиться и не меньше потеть, чем в собственных интересах, ибо борьба за родину считается более почетной». Борьбу за освобождение родины Д. Кантемир считал священным долгом. «Ради свободы и родины с честью умереть,— говорил он,— много полезнее и похвальнее, нежели жить долго и бесчестно»⁶⁰. Свой долг как историка он видел в прославлении героического прошлого Молдавии, в воспитании ее народа на примерах былого величия, мужества и жертвенности во имя высоких идеалов. Он неоднократно вспоминал подвиги, совершенные молдаванами в борьбе против турецких и иных завоевателей. «Сколько раз и скольких магометов и сколько баязитов и сколько муратов,— с гордостью писал он в «Хронике стародавности»,— на молдавских полях разбил (молдавский народ.— П. Л.) и тысяча тысяч турок поглотили волны Дуная, Сирета, Бырлада и Днестра».

Стремясь пробудить в молдавском народе чувство национального достоинства, Д. Кантемир, будучи трезвым политиком, в то же время ясно отдавал себе отчет в том, что его страна без посторонней помощи не в состоянии избавиться от иноземного ига. И такую помощь он ждал от России. Д. Кантемир стремился придать этой идее теоретическое обоснование. В послании Петру I «Рассуждение о природе монархии» он представлял исторический процесс как последовательную смену четырех монархий (восточной, южной, западной и северной), которые проходят через стадии возвышения и падения, согласно «законам природы». Под четвертой (северной) монархией он подразумевал Россию, которая начала возвышаться и с которой он связывал самые сокровенные надежды на освобождение родины от иноземного ига. Российская держава призвана, по его убеждению, положить конец «выродку», то есть Османской империи, возникшей незаконно. «Придерживаясь господствовавшей в средние века точки зрения на ход истории как на последовательное чередование мировых монархий, Кантемир ...уделил большое внимание естественным факторам этого процесса и тем самым сделал значительный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками»⁶¹.

Верой в освободительную миссию России на Балканах пронизаны и другие исторические труды Кантемира. В «Истории Оттоманской империи» и «Хронике стародавности» он неоднократно упоминает об успехах русского оружия в борьбе против турецких и иных завоевателей, с восторгом отзываясь о взятии Азова, о победах русских войск над шведами при Лесной и Полтаве, мужество и храбрость которых он воочию видел в битве при Станилештах в 1711 г. и во время Персидского похода. Д. Кантемира никогда не покидала мысль, что его страна получит свободу с помощью России. В своих посланиях Петру I он призывал царя, чтобы тот не оставлял молдавского народа, проявившего верность России, на произвол турок, татар и австрийцев и не дал его княжеству погибнуть.

⁵⁹ Д. Кантемир. Монархии физическое рассуждение, л. 27 об.

⁶⁰ Д. Кантемир. История иероглификэ, стр. 68

⁶¹ «История философии в СССР». Т. I. М. 1968, стр. 457.

Д. Кантемир отстаивал прогрессивную мысль о том, что все народы по природе своей наделены одинаковыми умственными способностями и ни один из них не имеет преимущества перед другим. Он с уважением относился к достижениям всех народов, независимо от их происхождения, древности или численности. В своих работах ученый «выдвинул мысль, что народы осваивают культуру, заимствуя одни у других»⁶².

Молдаване справедливо видели в России свою единственную освободительницу. Вот почему они неоднократно обращались с призывами принять их в российское подданство; вот почему тепло встречали русскую армию, несколько раз вступавшую в XVIII — начале XIX в. на молдавскую землю; вот почему принимали активное участие в победоносных русско-турецких войнах, сражаясь бок о бок с русскими солдатами против общего врага — Османской империи.

Заветные мечты Д. Кантемира осуществились в начале XIX века. С помощью России молдавский народ добился долгожданной свободы, на что пророчески уповал Д. Кантемир. Как государственный деятель, упорно борющийся за освобождение Молдавии от иноземного владычества, как ученый, своими трудами прославивший родину далеко за ее пределами, как поборник дружбы и союза между молдавским и русским народами, Д. Кантемир заслуженно занял видное место в истории обоих народов, в культуру которых внес столь весомый вклад.

---

⁶² «Дин история гындирий сочиал-политиче ши филозофиче ын Молдова». Кишинэу. 1970, стр. 100.